

«БУМАЖНЫЕ» ТАНКИ СТАЛИНА (загадка советской военной экономики периода Великой Отечественной войны)*

В последнее десятилетие в российской печати и научных (особенно — в научно-популярных) изданиях идет переоценка роли Сталина в отечественной истории. Акценты делаются все чаще в пользу оправдания того, что произошло в СССР в годы его правления. Главным козырем современных российских неоста-линистов является то, что СССР под руководством И.В. Сталина якобы в 1930-е гг. успешно подготовился к войне и победоносно выиграл ее. Защитники Сталина утверждают, что без индустриализации, коллективизации и репрессий против «врагов народа» не было бы и победы СССР над государствами Оси.

Для изучения экономической истории наиболее интересна та часть этой дискуссии, которая связана с оценкой советской экономики с точки зрения готовности к войне. Общим местом стало утверждение, что сталинская индустриализация была направлена, прежде всего, на укрепление национального оборонного комплекса, и именно благодаря этим предвоенным реформам в первые годы войны экономика СССР смогла, даже после потери значительной части территории, обеспечить армию достаточным количеством вооружений.

В нашей статье мы попробуем доказать, что спад производства военной продукции на начальном периоде войны был на самом деле гораздо более сильным, чем принято считать, и что высочайшую продуктивность советской оборонной промышленности времен Великой Отечественной войны надо поставить под вопрос. Рассмотрим только один сегмент военной экономики, но ключевой, — танкостроительный.

* Автор выражает глубокую благодарность Ю.В. Латову за помощь в подготовке и редактировании данной статьи.

1. Можно ли выпускать танки при нехватке угля и стали?

Большинство исследователей истории Второй мировой войны в оценке эффективности советского оборонно-промышленного комплекса уделяют основное внимание выпуску конечной продукции. Производство сырья и военных материалов остается при этом где-то на заднем плане. Между тем самый горячий трудовой энтузиазм тружеников тыла в принципе не мог заменить сырья, необходимого для производства. А с этим сырьем на начальном периоде Отечественной войны ситуация была крайне неблагоприятная.

Таблица 1

Среднесуточное производство металла во второй половине 1941 г., тыс. т

	Июнь	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Чугун	52,4	47,2	30,2	16,7	12,6	12,1
Сталь	65,2	54,6	42,6	28,2	23,7	22,6
Прокат	48,5	30,0	26,1	18,1	15,3	15,0

Источник: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 147.

К осени 1941 г. СССР потерял около 40% своего промышленного потенциала, наиболее сильный урон был нанесен металлургии (табл. 1). Восстановить выпуск металлов хотя бы на довоенном уровне Советский Союз смог не ранее 1943 г. (есть, например, относительно достоверные данные, что по выплавке алюминия СССР достиг уровня 1940 г. только где-то зимой 1942/1943 гг.¹). В топливной промышленности ситуация была еще хуже, поскольку даже в довоенный период она была не особо сильно развита и не могла удовлетворить в полном объеме потребности военной экономики СССР. По данным Н.А. Вознесенского, СССР к сентябрю 1941 г. в результате оккупации западных территорий потерял 60% производства всего алюминия, 63% — добычи угля, 58% — выплавки стали². Если сравнивать официальные данные о выпуске продукции в военные годы с предвоенным 1940 г. (табл. 2), то видно, что даже в 1945 г. не удалось выйти на довоенный уровень добычи угля и выплавки стали.

Таблица 2

**Официальная статистика производства в СССР танков
и сырья, необходимого для танкостроения**

Виды продукции	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Уголь, млн т	165,9	151,4	75,5	93,1	121,5	140,3
В том числе антрацит, млн т	36,4	25,1	0,3	3,4	10,1	17,6
Сталь, млн т	18,3	17,9	8,1	8,5	10,9	12,3
Бронелист, млн т	123,7	294,0	Нет данных	448,6	591,0	501,3
Танки и САУ, тыс.	—	4,8*	24,4	24,1	29,0	20,5**

* за июнь–декабрь 1941 г.

** за январь–август 1945 г.

Составлено по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. сб. М., 1990. С. 5, 15, 49, 53.

В этой связи необходимо подчеркнуть большой урон, связанный с оккупацией в 1941 г. территории Украины. Даже в послевоенный период до 40% всех мощностей советской металлургии располагалось на Украине. В 1940 г. УССР выплавляла 8,9 млн т стали, или около 50% всей стали в СССР, по углю Украина в 1940 г. достигла 60% общесоюзного производства. К зиме 1942 г., когда СССР утратил Донбасс, а эвакуированные заводы еще не успели восстановиться, спад в выплавке стали должен был достичь низшей точки.

Рассмотрим подробнее ситуацию с добычей угля как сырья, необходимого для плавки стали.

Надо учитывать, что далеко не весь добываемый уголь пригоден для выплавки стали высоких сортов, необходимых для плавки брони для танков и алюминия для самолетов, — для этого нужен антрацит. Между тем сокращение добычи антрацита имело даже не катастрофический, а гиперкатастрофический характер: согласно официальной статистике, если общий выпуск угля в 1942 г. упал в сравнении с 1940 г. в 2,2 раза, то выпуск антрацита — более чем в 120 раз! Не случайно статистический сборник «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» стыдливо умалчивает о том, каков же был выпуск бронелиста в 1942 г. (может быть, его практически не было?). В результате становится непонятным, как при таком чудовищ-

ном сокращении топливного обеспечения труженики тыла умудрились в 1942 г. выпустить более 24 тыс. танков и САУ. Данные о больших объемах выпуска бронелиста в последующие годы Великой Отечественной также вызывают сомнения, поскольку выпуск антрацита хотя и резко возрос с 1943 г., но все равно даже в 1945 г. был вдвое ниже довоенного уровня.

Рассмотрим теперь ситуацию с выплавкой стали. И с этой стороны у советского танкостроения имелись сильные ресурсные ограничения.

Если с алюминием и некоторыми другими металлами СССР выручили союзники (так, в 1944 г. отношение импорт свинца к национальному производству составил 146%, а олова — 170%³), то с черными металлами вплоть до конца войны у советской промышленности были серьезные проблемы.

У М.А. Вологина, исследователя военной промышленности Сталинграда, есть интересные на этот счет сведения: «"Красный Октябрь" осенью 1941 г. остался единственным металлургическим заводом, обслуживающим Юго-Восток и Кавказ. Выплавляемая им сталь составляла 9–10% к общему производству в стране вместо 4% в начале войны. К этому следует добавить, что краснооктябрьский металл весь был специального качества. Это означало, что вплоть до середины 1942 г., когда в больших масштабах была организована выплавка легированного и качественного углеродистого металла на заводах Урала, выпускавших до войны рядовой металл, "Красный Октябрь" оставался основным поставщиком качественного металла не только для танковой, но и для авиационной и шарикоподшипниковой промышленности страны»⁴.

Обратим внимание, что уральские заводы начали в крупных масштабах выпускать «военный» металл только через год после начала Великой Отечественной войны. Такой долгий срок «перенастройки» кажется странным. Дело в том, что для изменения качества металла требуются не какие-то хитрые технологии, на освоение которых требуется целый год, а просто изменение пропорций содержания примесей в чугуне. Если есть, конечно, соответствующие доменные печи. Уральским заводам, таким образом, не надо было год переходить на новые технологии; им нужны были только печи и новые прокатные станы, которых, очевидно, просто не было в наличии в необходимом количестве.

Другой интересный факт из истории развития советской металлургии в годы Великой Отечественной войны. В апреле 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии». Согласно ему, в 1942 г. было запланировано восстановить и построить 23 доменные печи, из которых в действие в том же году предполагалось ввести 11, а также мартеновских печей соответственно — 67 и 51⁵. Проанализируем неочевидный смысл этой информации, сравнивая ее с официальными данными о вводе в действие новых и восстановлении старых доменных и мартеновских печей (табл. 3).

Таблица 3

Ввод в действие новых и восстановление старых доменных и мартеновских печей

Виды печей	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Доменные	4	1	4	5	15	5
Мартеновские	7	16	22	47	59	25

Источник: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 148.

В исторической литературе автору настоящего исследования так и не удалось найти точные данные о реальном количестве находившихся перед войной на балансе советской металлургии доменных и мартеновских печей. Нет таких сведений и у Вознесенского.

Картину можно приблизительно восстановить по данным архивов отдельных предприятий страны. Так, знаменитый Нижнетагильский металлургический завод был оснащен двумя мартеновскими печами 1891 г. постройки. На Златоустовском металлургическом комбинате в конце 1980-х гг. из 8-ми мартеновских печей 4 были построены до революции и в межвоенный период. На Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК) за весь довоенный период было построено 17 мартеновских печей, что во время войны сделало ММК лидером по выплавке стали. Однако для танковой брони вплоть до конца сентября 1941 г., когда на заводе были внедрены новые технологии, производимая на ММК сталь практически не годилась⁶.

Часть печей была сильно повреждена при эвакуации, поэтому необходимо было их восстанавливать. Если учесть оснащен-

ность металлургических комбинатов мартеновскими печами перед войной (в среднем 2–4 печи на завод, ММК был редким исключением), то в постановлении «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии» речь идет, скорее всего, о восстановлении едва ли не всего металлургического производства страны.

Как следует из официальных данных, в 1942 г. выполнить задания постановления ГКО решительно не удалось: вместо 11 доменных печей в строй вошли только 4, вместо 67 мартеновских печей — лишь 22. Поставленные ГКО задачи были полностью достигнуты лишь к 1945 г.: за все четыре года войны в СССР были введены в действие, согласно Вознесенскому, 24 доменные печи (на одну больше, чем указано в апрельской директиве 1942 г.) и 128 мартеновских печей⁷. Обратим внимание на слова «введены в действие»: речь, вероятнее всего, идет о восстановлении и строительстве, но большей частью — восстановлении.

Итак, о домнах мы более определенно можем сказать, что их количество было восстановлено на уровне 1940 г. только к концу войны. Между тем именно доменные печи дают чугун, без которого невозможна выплавка стали высоких сортов, годных для производства продукции тяжелого машиностроения, включая и бронетехнику. Соответственно, восстановление 24-х доменных печей лишь к концу войны означает, что советское танкостроение могло выйти на показатели 1940 г. не ранее 1944 г.

2. Загадка советских танков и три варианта разгадки

Из всего вышесказанного следует, что суммарные мощности металлургии и угольной отрасли могли позволить СССР выйти на уровень производства 1940 г. только к концу войны. Доля военной продукции перед войной составляла около 30% от всего производства. Соответственно, в годы войны она увеличилась почти вдвое, но при общем падении производства в 1941–1943 гг. более чем в 2 раза СССР по суммарному объему выпуска военной продукции мог добиться результатов 1940 г. не ранее 1944 г.

Возникает вполне логичный вопрос: каким же образом при падении среднесуточной выплавки металлов в 3–5 раз и при таком же сокращении сырьевой базы советская промышлен-

ность оказалась в состоянии выпустить вооружений в 1942 г. почти в 2 и более раз, нежели в 1941 г., как утверждают многие исследователи и даже школьные учебники? Ведь энтузиазм тружеников советского тыла никак не мог заменить отсутствующие антрацит и доменные печи. Собственно, это есть главный вопрос нашего исследования.

На поставленный вопрос есть три варианта ответа:

- рост производства вооружений в СССР скрывает резкое снижение его качества из-за ухудшения ресурсного обеспечения;
- весьма значительную долю военных материалов, включая стратегическое сырье, поставляли в СССР союзники;
- в производстве военной продукции имели место огромные приписки, которые сегодня по инерции принимаются многими историками на веру.

Видимо, одновременно действовали все эти три фактора.

Вопрос о низком качестве производства военной продукции получил освещение в недавно изданной книге «Все для фронта?» М. Зефирова и Д. Дегтева. Опираясь на данные по Горьковскому автозаводу, где производили знаменитые Т-34, они, в частности, отмечают, что в 1941–1942 гг. происходило постоянное снижение содержания никеля в броне (с 3% накануне войны до менее 1% в конце 1942 г.), что сильно снижало бронестойкость. Помимо официально закреплённого снижения качественных требований наблюдалась масса технологических нарушений, так что в 1942 г. до 40% брони получалось низкого качества⁸. Для дальнейшего углубления этого направления анализа необходимо перейти от «точечных» исследований (как у М. Зефирова и Д. Дегтева) к комплексному исследованию архивов ведущих советских предприятий, производящих во время войны продукцию для фронта.

Обратим внимание на два другие фактора.

Следует признать, что спасение РККА от разгрома в первые годы войны есть во многом заслуга ленд-лиза. Поставки стратегического сырья и военной техники западными союзниками (табл. 4, 5, 6) были по ряду позиций весьма значительными. Безусловно, часть поставок осуществлялась не даром, но их оплата была в основном отсрочена до конца войны (в силу политических причин основная доля советского долга за ленд-лиз не погашена до сих пор).

Таблица 4

**Поставки западными союзниками сырьевых материалов
в период с осени 1941 по май 1945 гг.**

Вид сырья	Количество, тыс. т	% от объема производства в СССР
Алюминий	328,1	125
Медь	387,6	83
Авиационный бензин	2586	58

Источник: Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (Сборник статей). СПб., 1989. С. 47.

Таблица 5

Поставки военной техники союзниками в 1941–1945 гг.

Вид техники	Количество
Танки и САУ	12 537
Боевых самолетов	Около 17 000

Источник: Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. С. 56.

Таблица 6

**Количество поставок в СССР танков основных моделей
(по данным приемных комиссий)**

Марки танков	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
<i>Из Великобритании и Канады</i>					
МК II («Матильда»)	145	626	147	–	–
МК III («Валентайн»)	216	959	1 776	381	–
МК IV («Черчилль»)	–	84	179	–	–
<i>Из США</i>					
М3 («Ли»)	–	812	164	–	–
М3 («Стюарт»)	–	977	255	–	–
М4А2 («Шерман»)	–	36	469	2 345	814

Составлено по: Коломиец М., Мощанский И. Танки ленд-лиза. М., 2000. С. 12, 13.

К концу 1941 г. в РККА оставалось не более 3000 бывших на ходу танков. (Кстати, не менее тяжелая ситуация наблюдалась и в авиации: большие потери 1941–1942 гг. советской авиационной промышленности было очень трудно компенсировать из-за нехватки алюминия.) Поэтому поставки союзников

в 1942 г. — в самый переломный период всей Второй мировой войны — очень сильно выручили Советский Союз. Общее число ленд-лизовских танков и САУ, принятых советской военной приемкой в 1941–1945 гг., составило соответственно 10 395 (по американским данным — 10 876) и 1802. Если сопоставить это с количеством танков и САУ, принятых, согласно официальным данным, военной приемкой от советских заводов (78 356 и 24 814), то ленд-лизовские танки составляли 13% от советского производства, ленд-лизовские САУ — 7%⁹.

Высокую роль ленд-лиза признал и маршал Г.К. Жуков. В послевоенных беседах с писателем К. Симоновым он заявил: «Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев, потому что англичане в этом смысле помогали нам минимально. При анализе всех сторон войны это нельзя сбрасывать со счетов. Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не могли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских “студебеккеров” нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтной транспорт. Выпуск специальных сталей, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок»¹⁰.

Вопрос о приписках в выпуске военной продукции в СССР в годы войны пока разработан относительно слабо.

На приписки обратил внимание еще Б.В. Соколов, по мнению которого объем производства советских танков во время Великой Отечественной войны завышен примерно в 2 раза¹¹. Однако у него внимание акцентировано на несоответствии объемов произведенных советской металлургией броневых листов обозначенному в официальной статистике количеству танков. Но, спрашивается, почему приписки не могли появиться в самой металлургии, особенно на ведомственном уровне? На наш взгляд, Соколов подошел близко к раскрытию истинного положения дел в советском оборонно-промышленном комплексе времен войны, но мы попытаемся продвинуться еще дальше.

3. Оценка реального выпуска советских танков

Оценим масштабы реального производства военной продукции, используя данные об изменении числа танков на полях сражений.

Согласно официальным данным¹², СССР в 1943 г. выпустил 20 100 танков и 4 000 САУ. Между тем на 1 января 1944 г., по официальным данным, в советской армии числилось только 4900¹³ танков. Означает ли все это, что вооруженные силы нацистской Германии уничтожили за 1943 г. 15 тыс. только что выпущенных советских танков, да еще в придачу те несколько тысяч, которые РККА имела по состоянию на 1 января 1943 г.? Подбивать ежедневно в среднем по 50 советских танков — это, пожалуй, многовато даже для «доблестного» вермахта.

Попробуем оценить реальные потери советских танков, сравнивая их с потерями немецких танков и предполагая, что немецкие данные о потерях более-менее достоверны. Воспользуемся для этого информацией о некоторых крупных военных операциях 1941–1945 гг.:

1. В битве под Москвой в 1941 г. немецкие войска потеряли 2340 танков (по немецким данным), советская сторона — 4171 танк¹⁴. Пропорция примерно 1 : 2.

2. Во время операции «Охота на дроф» 8–11 мая 1942 г. в Крыму германская сторона потеряла 11 танков и САУ, советская — 196¹⁵. Пропорция — 1 : 20! Случай — классический для начального этапа войны, но все-таки не типичный для Отечественной войны в целом. Как и немцы под Москвой, советские войска оказались в Крыму без снабжения, поэтому танкистам ничего не оставалось, как либо превращать свои машины в стационарные крепости, либо бросать их и отступать в составе пехотных частей.

3. В Ржевской наступательной операции только за август 1942 г. СССР потерял 1085 танков¹⁶, германские потери в тяжелой бронетехнике составили приблизительно 400 машин¹⁷. Пропорция — примерно 1 : 2,5.

4. Под Сталинградом в 1943 г. нацисты потеряли 2 000 танков и САУ, РККА — 4341¹⁸. Пропорция потерь примерно 1 : 2,2.

5. Соотношение германских и советских потерь в бронетехнике в сражении под Прохоровкой в 1943 г. можно оценить, со-

гласно официальным советским документам, как 1 : 5¹⁹. Однако под Прохоровкой к минимуму были сведены потери советской бронетехники от действий пехоты и артиллерии, немецкая авиация тоже не могла эффективно действовать из-за плохой погоды.

6. В операции «Багратион» в 1944 г. СССР потерял около 3000 танков и САУ, германская сторона — 600–700 танков и САУ²⁰. Пропорция примерно 1 : 4,5.

7. Балатонская операция 1945 г., когда немцы пытались активно контратаковать, по потерям бронетехники имела следующие результаты: немецкая сторона лишилась порядка 500 танков и САУ²¹, советская армия — 165 танков и САУ²². Пропорция примерно 1 : 0,35.

Таким образом, только во время Балатонской операции советские потери бронетехники оказались меньше немецких. Если попытаться оценить типичное соотношение немецких и советских потерь в танках и САУ, то получим примерно 1 : 2,5.

На начало 1943 г. Германия и ее союзники на Восточном фронте имели 6800 танков и САУ. На 1 января 1944 г. нацистская Германия имела 9149 танков и САУ²³, а выпущено было немецкой промышленностью за весь 1943 г. 5854 единицы бронетехники²⁴. После нетрудных арифметических подсчетов получаем, что нацисты на всех театрах боевых действий потеряли в течение 1943 г. порядка 3600 танков и САУ.

Учитывая, что до 90% потерь в бронетехнике Германия и ее союзники понесли в 1943 г. на Восточном фронте, и, используя соотношение германских и советских потерь в танках как 1 : 2,5, мы получаем результат: в 1943 г. потери РККА составили примерно 8700–8800 подбитых советских танков.

Теперь надо учесть, что около 50–60% подбитой советской бронетехники в годы Второй мировой войны обычно восстанавливалось, отремонтированные машины включались в состав выпуска. Это очень важный момент: проблема восстановления подбитой бронетехники не была учтена в ранней научно-популярной литературе о Второй мировой войне, поэтому у читателей и даже начинающих исследователей нередко складывалось впечатление, будто указанные в статистических сборниках данные о числе подбитых танков и САУ — это и есть реальные безвозвратные потери. На самом деле все обстояло сложнее.

Согласно Б. Мюллеру-Гильдебрандту, 80–90% немецких подбитых танков восстанавливались²⁵. Однако этот процент актуален, судя по всему, до осени 1943 г., когда вермахт начал часто утрачивать поле боя, что, естественно, делало ремонт подбитой техники невозможным. Разумеется, оставшаяся в котлах техника также была безвозвратно потеряна. Так, в Сталинграде советские военные захватили 2000 единиц исправной и подбитой тяжелой бронетехники. Поскольку же всего за 1943 г. нацистская Германия потеряла порядка 3600 танков и САУ, то за пределами Сталинграда нацисты безвозвратно потеряли около 1600 единиц. Это соответствует примерно 12–14% от всего парка тяжелой бронетехники Германии, задействованной в 1943 г. (из-за Сталинградского котла эта цифра возросла в два с лишним раза, составив около 30%).

Котлы, в которые попадала РККА в начале войны, были не менее масштабными, чем Сталинград. До 1943 г. поле боя, как правило, оставалось в руках немцев, поэтому РККА едва ли могла эвакуировать и половину своей подбитой техники. Примечателен случай с захватом Германией и Финляндией большого числа Т-34 в Ленинградском военном округе в начале войны: финнам, которым немцы передали свои трофеи, тогда досталось порядка 300 новейших на то время советских средних танков, все они на момент захвата были в удовлетворительном техническом состоянии. Захват такого числа исправных или почти исправных танков стал возможен благодаря советской тактике, когда танковые подразделения в 1941 г. часто действовали в отрыве от пехоты и артиллерии. Поэтому вражеской пехоте достаточно было сбить катки советского танка, чтобы он вполне мог стать трофеем.

Приведенные факты и доводы говорят в пользу того, что до лета 1943 г. доля отремонтированных советских танков из общего числа подбитых машин едва ли превышала 60%. Для лета 1941 г. она могла варьироваться в пределах 5–15%, из них до заводов едва ли доходила и половина от этого процента.

С эвакуацией танков в советской армии до самого конца войны дела вообще обстояли плохо. Об этом П.А. Ротмистров выразительно писал в августе 1943 г. Г.К. Жукову: «...Прошу резко улучшить оснащение танковых частей эвакуационными средствами. Противник все свои подбитые танки, как правило, эвакуи-

ирует, а наши танкисты этой возможности зачастую бывают лишены, в результате чего мы много теряем на этом в сроках восстановления танков. Одновременно, в тех случаях, когда поле танковых боев на некоторый период остается за противником, наши ремонтники взамен своих подбитых танков находят бесформенные груды металла, так как в этом году противник, оставляя поле боя, все наши подбитые танки взрывает»²⁶. Тяжелая ситуация со средствами эвакуации подбитой техники у РККА связана с тем, что по автомобильным средствам и тягачам СССР отставал от нацистской Германии перед войной в несколько раз. Ситуация была исправлена только в 1944 г., причем во многом благодаря поставкам по ленд-лизу.

Итак, если считать, что в 1943 г. возвращалось в строй в среднем 50% подбитых танков, то из общих потерь РККА в 8700–8800 подбитых танков безвозвратные потери составили примерно 4300 единиц, а остальные 4400–4500 были отремонтированы и вернулись в строй. Вспомним, что на 1 января 1944 г. в составе советской армии было всего 4900 танков. В таком случае реальный выпуск новых танков советской промышленностью не мог превысить в 1943 г. 400–500 единиц, если не брать во внимание брак, оставленные в резерве машины и поставки по ленд-лизу. Это — предположительная максимальная оценочная цифра (ведь на 1 января 1943 г. в составе РККА должно было находиться еще несколько тысяч танков). Если же принимать во внимание поставки танков по ленд-лизу, то можно сделать вывод, что с 1942 по 1944 гг. военные заводы СССР осуществляли почти исключительно капитальный ремонт подбитой бронетехники, а выпуск новых машин, видимо, не превышал примерно 100 машин в год.

У нас есть основания так предполагать, потому что весной 1942 г. Советский Союз потерял Донбасс с его колоссальными запасами угля, а в сентябре того же года был практически утрачен Сталинградский танковый завод. Что такое для советского танкостроения потеря этого завода говорит следующий факт: до сентября 1942 г. 40% всех танков Т-34 выпускалось именно на этом заводе²⁷.

Мы полагаем, что советская послевоенная статистика представляла по пропагандистским соображениям весьма искажен-

ные цифры выпуска военной продукции, которые продолжают по инерции использоваться до сих пор (хотя давно признаны, например, статистические «натяжки» по поводу выполнения первых пятилетних планов). Однако полностью сокрыть факты катастрофы в военном производстве в первые два с половиной года войны официальным советским властям даже в условиях жесткой цензуры не удавалось, поскольку трудно фальсифицировать весь массив статистической информации.

4. Проверка по косвенным данным разгадки загадки советских танков

Читатель может задать вопрос: а как же сражение под Прохоровкой, Сталинград, битва за Москву? Ведь там РККА имела очень немалое число танков, если вспомнить хотя бы школьные уроки истории!

Проверим результат наших расчетов по реальному соотношению численности танков противоборствующих сторон в основных операциях 1942-1944 гг.

Если собрать данные по разным источникам, то соотношение немецких и советских танков было таким:

– во время битвы за Кавказ летом 1942 г. — 9 : 1 в пользу Германии²⁸;

– на начальном этапе Сталинградской битвы — 1 : 1;

– в разгар Сталинградской битвы (ноябрь–декабрь 1942 г.) — 1 : 2 в пользу Германии²⁹;

– во время Ржевской битвы 1943 г. — 1 : 1;

– во время Курской битвы 1943 г. — 1,3 : 1 в пользу СССР³⁰;

– в битве за Киев (август–октябрь 1943 г.) — 1 : 1³¹;

– во время Корсунь-Шевченковской операции — 2,3 : 1 в пользу СССР на начальном этапе сражения³².

Таким образом, в период с июня 1942 г. по март 1944 г. включительно мы видим только два случая из семи, когда в крупных стратегических операциях СССР имел численное превосходство в танках над нацистской Германией. Причем даже в этих двух случаях речь идет о не столь уж внушительном превосходстве, если принимать во внимание более высокие технические характеристики немецких танков после июля 1943 г., лучшую организацию и подготовку личного состава вермахта. (К тому же реаль-

ная численность советских бронетанковых сил в Курской битве остается предметом дискуссий. Надо также принять во внимание, что в этой битве было задействовано много танков Т-70, которые совершенно к тому времени морально устарели.)

Case-study. Исследования по знаменитому Прохоровскому сражению являются выразительным примером запутанности и недостаточной достоверности советской военной статистики.

Ставшие уже хрестоматийными цифры 850 танков с советской стороны и 700 — с немецкой, принимавших участие в Прохоровском сражении с обеих сторон, взяты из мемуаров командующего 5-й танковой армией П.А. Ротмистрова³³. Сведения о численности тяжелой бронетехники противника были им приведены в мемуарах, согласно полученным им же накануне сражения данным разведки.

Г.К. Жуков в свое время довольно-таки нелестно отозвался о мемуарах Ротмистрова: «Это нескромно и не совсем так³⁴». Как доказывает в своем исследовании авторитетный историк Г.А. Олейников, германская сторона располагала под Прохоровкой не более 300 единиц тяжелой бронетехники в составе одной танковой дивизии СС «Адольф Гитлер»³⁵ (только эта дивизия фактически и принимала с немецкой стороны участие в сражении под Прохоровкой). По расчетам этого же автора, для расположения на поле перед Прохоровкой более 1000 танков с обеих сторон просто не было места³⁶. Если принимать во внимание данные Олейникова, то попавшие в научно-популярные советские издания и энциклопедии цифры германских потерь в 350–400 машин являются вымыслом³⁷.

О реальной численности советских танков под Прохоровкой можно судить по донесению А.М. Василевского Сталину о потерях 5-й Гвардейской танковой армии 12 июля 1943 г. Согласно этому донесению, 29-й и 18-й танковые корпуса этой армии имели на 10-е июля 1943 г. не более 220 танков, и это — целых два корпуса! (Для сравнения: стандартная немецкая танковая дивизия в 1941–1942 гг. насчитывала 200–250 машин). О численности единиц бронетехники в 5-м Гвардейском механизированном корпусе у Василевского данных нет, так как потери этого корпуса были незначительными. Известно, что он насчитывал, по официальным данным, на 11 июля 1943 г. 221 единиц тяжелой

бронетехники³⁸. Помимо перечисленных соединений, в Прохоровском сражении принимали участие также 2-й танковый и 2-й Гвардейский танковый корпуса — первый насчитывал 94 единицы бронетехники, а второй — 139.

Таким образом, если исходить из данных доклада Василевского, то с советской стороны под Прохоровкой было предположительно не 850, а не более 600 танков и САУ, при этом далеко не все из них принимали участие в сражении.

Возникает вполне логичный вопрос: а где же были те десятки тысяч новых танков, которые в разгар Великой Отечественной войны якобы выпустила советская промышленность, как гласит официальная советская статистика? Ответ очевиден — на бумаге.

«Неудобная информация» об острой нехватке танков на полях сражений в советское время хотя и замалчивалась, но все же просачивалась и в литературу, и даже в кинематограф. Вспомним из знаменитой киноленты «Освобождение» эпизод разговора Г.К. Жукова со Сталиным в самом начале битвы за Москву. (Этот эпизод, как и весь фильм, отчасти построен на мемуарах самого Жукова.) Сталин спрашивает маршала, «сможем ли мы удержать Москву». Жуков отвечает, что сможем при условии, если в распоряжение РККА будут предоставлены несколько свежих пехотных дивизий и 200 танков. На это Сталин отвечает, что пехотные дивизии дать сможем, а 200 танков — нет.

Если обратиться к данным А.В. Исаева, которого никак нельзя обвинить в отходе от официальной историографической трактовки Великой Отечественной войны, то получается, что ежемесячный прирост поставок тяжелой бронетехники на фронт в первом квартале 1942 г. составлял в среднем примерно 350 единиц. В частности, он пишет о состоянии танковых войск в январе–апреле 1942 г.: «Снижение процента боеготовых машин было характерно для всей зимней кампании и всех участвовавших в ней фронтов. Так, на 1 января во всех фронтах имелось 1588 исправных танков, а неисправных 1323, на 1 февраля соответственно 1547 и 1607, на 1 марта — 1874 и 2066 и на 1 апреля — 1642 и 2409 машин. То есть число боеготовых машин к общему числу танков к моменту начала зимнего наступления составляло 55%, а в апреле 1942 г. упало до 41%. Происходило это

потому, что фронты и армии не имели достаточного количества средств эвакуации и ремонта бронетанковой техники»³⁹.

Таким образом, по А. Исаеву, прирост числа танков в РККА имел следующий вид (табл. 7).

Таблица 7

***Численность и прирост количества танков
на всех фронтах СССР в первом квартале 1942 г.***

Период	Численность танков	Прирост за месяц
1 января	2 911	–
1 февраля	3 154	243
1 марта	3 940	786
1 апреля	4 051	111

Составлено по: Исаев А. Краткий курс истории Великой Отечественной войны. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 255.

Критически настроенный читатель может возразить, что 350 танков в месяц никак не вяжется с предложенной оценкой 100 танков в год. Однако надо учесть, что у Исаева, как и у многих исследователей, речь идет о совокупных поставках танков заводами на фронт. Поскольку заводы, помимо выпуска новой техники, вели также и капитальный ремонт, на фронт поступала не столько новая, сколько отремонтированная старая бронетехника.

Пример с данными А. Исаева показателен тем, что даже исследователи, придерживающиеся официальной историографической линии, демонстрируют серьезные расхождения с общепринятой в советский период статистикой. Ведь согласно этой статистике, за 1942 г. было выпущено более 24 тыс. танков, в то время как на фронт в первом квартале того года поступило лишь 1140 штук. Полушутя можно предположить, что мы наблюдаем добрую старую традицию советской штурмовщины, когда в первом квартале «раскачиваются», а в последнем — работают до изнеможения. (А в нашем примере действовали еще и объективные факторы: в начале 1942 г. эвакуированные предприятия только начинали возобновление производства, к концу года они должны были восстановить более-менее ритмичный выпуск.) Но разница между официальным среднеквартальным выпуском 1942 г. (более 6 тыс. танков) и реальным поступлением танков в первом квартале (немногим более 1 тыс.) уж очень велика!

Косвенно наше мнение о довольно низком выпуске новой бронетехники подтверждается приказами по военным училищам страны о подготовке курсантского состава к овладению тем или иным типом боевой техники. Проанализируем ситуацию с советскими бронетанковыми училищами (БТУ).

Всего в СССР с 1940 по 1945 гг. числилось 12 БТУ. До начала войны практически ни на одном из них не велась подготовка на танки Т-34.

Переход на подготовку на танках типа Т-34 произошел в военных училищах преимущественно в 1943 г., но при этом масштабы подготовки на ленд-линзовских танках оставались внушительными до самого конца войны.

Приказом НКО СССР № 0333 от 06.05.43 г. подготовка командного состава на британские танки МК-2 и МК-3 сосредотачивалась на Казанском танковом училище.

Одно из старейших танковых училищ — Первое Саратовское — готовило перед войной лейтенантов на танки типа Т-26, причем переход и на эти машины произошел в училище только в сентябре 1940 года. В январе 1942 г. Саратовское БТУ № 1 перешло на подготовку личного состава для новых танков, но не Т-34, а британских МК-2. Спрашивается, а где Т-34 — основной танк советской армии времен войны? Перевод Саратовского БТУ № 1 на Т-34 произошел лишь через полтора года, в июле 1943 г., тем же самым приказом НКО СССР № 0333 от 06.05.43 г. В Саратове было еще второе танковое училище, но оно готовило командиров тяжелых танков.

Ульяновское БТУ № 1 вело подготовку лейтенантов с сентября 1940 г. на танки БТ (ранее велась подготовка на еще более старые модели). С февраля 1942 г. происходит перевод училища на новый профиль подготовки уже на танки КВ, а в январе 1944 г. подготовка стала вестись на танки ИС⁴⁰. А где же знаменитые Т-34? Их не видно!

Перед войной подготовка командирских кадров для Т-34 велась только на Харьковском БТУ, причем всего в двух курсантских батальонах. Одновременно с этим в Харькове продолжалось обучение лейтенантов на Т-26, тоже в двух курсантских батальонах. Два батальона Т-34 перед войной было в Орловском БТУ, но известно, что к лету 1941 г. это училище подготови-

ло лишь 7 экипажей Т-34 (курсанты, по всей видимости, даже не успели полностью пройти обучение и были отправлены на фронт в июле).

Таким образом, до 1943 г. масштабы подготовки командиров Т-34 в советских БТУ носили весьма ограниченный характер. Удельный вес британских МК в сфере подготовки командного состава бронетанковых войск до 1944 г. не уступал Т-34.

* * *

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что реальные цифры военного производства в годы Великой Отечественной войны скрывались партийными функционерами. Мы предполагаем, что только по танкам реальный выпуск (с включением в выпуск отремонтированных танков) был не менее чем в 4 раза ниже фиктивного. Ведь для 1943 г. реальный выпуск оценен нами менее чем в 5 тыс., в то время как официальная статистика говорит о выпуске более 20 тыс. танков.

Одной из основных причин сокрытия реального положения вещей в военном производстве был, видимо, страх советских чиновников перед репрессивным аппаратом сталинского режима. Уже тогда стал вырисовываться контур противостояния советских чиновников и высшего партийного руководства.

Предлагаемое нами направление анализа советской военной экономики категорически не следует интерпретировать как «очернение нашей героической истории». Совсем наоборот. Ведь если верна официальная версия Великой Отечественной войны, то перед ветеранами можно поставить вопрос, почему же они, вооруженные до зубов современным оружием и руководимые военными гениями, так долго и с переменным успехом боролись с малочисленным и хуже вооруженным противником. А если признать, что советский солдат был вооружен и обучен далеко не блестяще, что советский генералитет в целом, увы, уступал немецкому, то оценка роли советского народа (но не советского руководства!) в войне становится гораздо более весомой. Критика неэффективной военной экономики ведет не к снижению, а к повышению оценок советских солдат, которые своими жизнями и своим ратным трудом смогли компенсировать пороки советской экономической системы.

Примечания

¹ Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (Сборник статей). СПб., 1989. URL: <http://militera.lib.ru/research/sokolov1/04.html>.

² Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 189-190.

³ Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны // Актуальная история. URL: <http://actualhistory.ru/2008070102>.

⁴ Вологин М.А. Сталинградский арсенал // Кузница Победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. 2-е изд. М., 1980.

⁵ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 724, 725.

⁶ Информация с сайта Магнитогорского металлургического комбината: [сайт]. URL: <http://www.mmk.ru/rus/about/history/3/index.wbp>.

⁷ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 45.

⁸ Зефириков М.В., Дегтев Д.М. Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2010. С. 222–245 и посл.

⁹ Барятинский М. Танки ленд-лиза в бою. М., 2009. С. 58–59.

¹⁰ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 354.

¹¹ Соколов Б.В. Роль ленд-линза в советских военных усилиях, 1941–1945 // Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998. О приписках военной продукции мимоходом упоминают и авторы книги «Все для фронта?»: они приводят факт, когда один из военных заводов Саратова, как выявила проверка НКВД, приписало в отчет 10 тыс. гранат и 6 тыс. снарядов (Зефириков М.В., Дегтев Д.М. Все для фронта? С. 253).

¹² См., например: Колесов Н.Д. Национальные и экономические факторы в Великой Отечественной войне // Теоретическая экономика. 2008. № 1. Аналогичную цифру можно найти в «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жукова.

¹³ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1970. С. 505.

¹⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исслед. М., 1993. С. 171, 174, 176; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии / пер. с нем. Т. 3. М., 1976. С. 30.

¹⁵ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. М., 1975. С. 122–126.

¹⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 213. Оп. 2002. Д. 429. Л. 69-71; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1450. Л. 104. При-

ложение 6; Д. 2277. Л. 2; Д. 1463. Л. 248; Д. 1464. Л. 22; Д. 2271. Л. 39 об; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1044. Л. 214, 215 об; Д. 1464. Л. 22; Д. 1466. Л. 140.

¹⁷ Расчеты автора на основе данных, приведенных в документах, и статьи: Гуркин В.В. «Марс» в орбите «Урана» и «Сатурна». О второй Ржевско-Сычевской наступательной операции 1942 г. // Военно-исторический журнал. 2000. № 4.

¹⁸ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985. URL: <http://www.pobeda-info.ru/Pages/operations/beor.aspx>.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 67. Л. 12, 70, 203; Д. 70. Л. 137 об; Д. 75. Л. 20, 28, 32, 34; Ф. 332. Оп. 4948. Д. 46.

²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. По немецким потерям до сих нет точных данных, поэтому приводится оценка автора по данным из книги: Карель П. Восточный фронт. Книга II. Выжженная земля 1943–1944. М., 2009. С. 487.

²¹ Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов 1944–1945. М., 1970.

²² История Второй мировой войны: в 12 т. М., 1973–1979. Т. 10. С. 89.

²³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. М., 2003. С. 726–727.

²⁴ Бронетехника Германии 1934–1945 гг.: Иллюстрированный справочник. М., 2003.

²⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945.

²⁶ Российский центр хранения документов новейшей истории (РЦХ-ДНИ). Ф. 71. Оп. 25. Д. 9027с. Л. 1-5.

²⁷ Вологин М.А. Сталинградский арсенал // Кузница Победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. 2-е изд. М., 1980.

²⁸ СССР в Великой Отечественной войне / под ред. С.М. Клячкиной, А.М. Сенициной. М., 1970.

²⁹ Hayward Joel S.A. Stopped at Stalingrad: The Luftwaffe and Hitler's Defeat in the East, 1942–1943 (Modern War Studies). University Press of Kansas, 1998.

³⁰ Олейников Г.А. Прохоровское сражение (июль 1943). СПб.: Нестор, 1998. URL: <http://militera.lib.ru/h/oleinikov/05.html>.

³¹ Советская военная энциклопедия в восьми томах. Второе издание. М., 1990. Т. 1.

³² ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1136. Л. 38.

³³ Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М., 1984. С. 181.

³⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 3. С. 54.

³⁵ Олейников Г. А. Прохоровское сражение (июль 1943). СПб., 1998. С. 180. URL: <http://militera.lib.ru/h/oleinikov/05.html>.

³⁶ Там же.

³⁷ История Великой Отечественной войны. 1961. Т. 3. С. 274.

³⁸ Данные сайта «Танковый фронт 1941–1945 гг. Советский Союз»: [сайт]. URL: <http://www.tankfront.ru/ussr/mk/gvmk05.html>.

³⁹ Исаев А.В. Краткий курс истории Великой Отечественной войны. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 255.

⁴⁰ Ульяновское гвардейское...: Краткий исторический очерк об Ульяновском гвардейском высшем танковом командном дважды Краснознаменном ордена Красной Звезды училище имени В.И. Ленина. Ульяновск, 1996.